

Нам представляется, что завтра в роли медиатора мешает выступать М. Прохоров, при условии создания им «партии нового типа».

В перспективе возможно участие в этом процессе и М.Б. Хадарковского (не ранее лета 2014года).

Однако времени для примирения общества остается критически мало. В силу как внутренних, так и внешних условий жизни России.

Литература

1. Ахиезер А.С. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство 2005г.
2. Новая Газета на Урале №118 от 18.10.2012

Лязина Ю.А.,
г. Уфа

НАУКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОТ ЭЛЕМЕНТА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ К ИНСТРУМЕНТУ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Долгое время, прежде всего в рамках классического идеала научности, познавательная деятельность рассматривалась как особый *общекультурный феномен*, целью которого являлась установка на *поиск истины*, причем в неявном виде подразумевалось, что эта истина может быть познанной окончательно. Господствующий в общественном сознании образ науки характеризовался ее пониманием как пусть и особой, но части общечеловеческой культуры. Наука не отрывалась от других элементов культуры, занимая в ней собственную нишу (поиск истины). Соответственно те общегуманистические принципы, которые господствовали в культуре, распространялись и на научное познание. Это была фактически философская позиция, базирующаяся на оптимистической вере в силу рационально-теоретического постижения мира. Поэтому, с одной стороны, научные изыскания были близки к натурфилософской исследовательской парадигме как поиску основополагающих, фундаментальных закономерностей бытия, а

с другой — отражали факт пока еще не столь значительной дифференциации наук.

Начиная же с последней четверти XIX века, понятие науки становится не стольоднородным, чему способствует бурная дифференциация наук. С этого момента, собственно говоря, и нет науки как таковой, а есть совокупность совершенно различных наук, которые очень трудно привести к общему знаменателю. Поэтому если науку вообще (в ее классическом варианте) можно было относить к культуре, то разнородные научные дисциплины в общекультурную парадигму уже не вписывались. В науках начинает господствовать принцип относительности, который выступает не только как внутринаучное явление, но имеет более широкое мировоззренческое значение.

Становится ясным факт относительности идеалов научности вообще. Наука перестает отныне восприниматься как нечто единое, имеющее общую цель с другими способами духовного постижения мира. А соединение науки с техникой и ее ориентация на практическое овладение миром включает в этот образ мысль о том, что наука вообще лежит за пределами культуры.

Если духовная культура, постигая мир, интегрирует в него человека, то наука, вмешиваясь в природу, напротив, направлена на овладение им, угрожая в некоторых случаях самому его существованию. Этот фактор в восприятии образа науки усиливается своеобразной агрессивностью науки и ее экспансией во все сферы жизни общества и отдельного человека, что позволяет некоторым исследователям обозначать это как своеобразный научный «империализм». Выйдя за рамки традиционной культуры, ориентируясь прежде всего на внутринаучные критерии и прагматические запросы общества, наука отказывается от внешних для нее гуманистических компонентов и тем самым утверждает представление о собственной внекультурной или даже антикультурной сущности.

Это представление закрепляется в процессе институционализации науки. Раньше наука вписывалась в парадигму любой иной творческой

деятельности, где центральным звеном был человек, индивид. *Научное творчество носило глубоко индивидуальный характер* и в некоторых случаях не отделялось, например, от художественного творчества. В данный период необходимость решения конкретных практических задач потребовала создания особых искусственных условий для реализации научного творчества. Выбор предмета исследования, интересы ученого стали в гораздо большей степени детерминироваться общественными запросами, чем его внутренними индивидуальными устремлениями. Вместо гения-одиночки — институт, вместо личных озарений — кропотливая работа группы людей, вместо часто случайной тематики — целенаправленное исследование и централизованное финансирование.

Сама научная задача отныне расчленяется на отдельные компоненты, исполнитель которых может в некоторых случаях не знать об общем плане и конечных целях научного исследования. Это приводит к изменению связи между личностью ученого и использованием результатов его открытий. Ученый как бы удаляется от практической реализации научных открытий, в меньшей степени чувствует ответственность за их использование. Для общества же, в свою очередь, становится важным не столько сам ученый как личность или процесс совершения открытий, сколько полученный результат. Естественные науки, выполняя часто определенный социальный заказ, переходят к коллективным (оперативным) формам познания в рамках научно-исследовательских групп и институтов. Ученый здесь «становится лишь исполнителем определенной функции внутри какой-либо фирмы или организации» [8]. Все вышесказанное придает науке, с одной стороны, новый импульс для более стремительного развития, а с другой — как бы удаляет ее от системы традиционных ценностей и способов постижения действительности.

Мало того, именно научными лабораториями и институтами, а вовсе не трудами ученых — одиночек теперь целенаправленно изобретаются и внедряются не только полезные технические устройства, но во все

возрастающих масштабах и орудия массового уничтожения, например, пулеметы и ядовитые газы. Но, значит, больше нельзя ставить знак равенства между разумом и моралью, наукой и безусловными ценностями. В этот период начинают подвергаться серьезным сомнениям, казалось бы, незыблемые просветительские культы автономного и самоценного научного интеллекта, а также безудержного технического прогресса.

В сфере экономических отношений происходят не менее существенные сдвиги. Капитализм переходит в монополистическую фазу своего развития. Формируются первые транснациональные корпорации, и образуются зачатки глобального товарного и финансового рынков. ***Начало процесса глобализации сопровождается*** не только углублением разрыва между богатой и бедной частями населения, экономически развитыми и колониальными странами, но также ***формированием культа массового и ничем не ограниченного материального потребления***. В области взаимоотношений с природой это оборачивается зачатками опять-таки глобального экологического кризиса (на рубеже XIX—XX веков человечество впервые переходит порог хозяйственной емкости биосферы). В социальной сфере — нарастанием классовых противоречий с требованиями экономического равенства; в области международных отношений — возникновением массы локальных военных конфликтов и подготовкой почвы для мировых войн за экономический передел мира.

В этот же период впервые явно обнаруживаются кризисные черты гипертрофированного урбанизма: социальная атомизация и нарастание чувства психологической заброшенности у людей в условиях ослабления родовых и семейных связей, сокращение продолжительности жизни городского населения, возникновение феномена массовых психических эпидемий. Кризис урбанизма нашел блестящее отражение в романах Ф.М. Достоевского, в поэзии Э. Верхарна, в творчестве русских художников-передвижников.

Процессы технической и экономической глобализации начинают все активнее сопровождаться тенденцией *культурной унификации*, утратой целыми континентами своего национального своеобразия и самобытности. Стандартизация культуры со все возрастающей скоростью идет параллельно со стандартизацией жизни отдельной человеческой личности. Именно эта тенденция с особенно болезненной остротой отмечается мыслителями самой различной идейной ориентации и национальной принадлежности. В отечественной философии об угрозе утраты «цветущей сложности культуры» много и точно пишет Константин Николаевич Леонтьев — один из самых последовательных защитников национального культурного своеобразия и ярый оппонент теории общечеловеческих ценностей. Он полагал, что и в природе, и в общественной жизни всякое развитие неизбежно проходит три последовательные стадии. Первая — стадия *первоначальной простоты*, (подобная зародышу); вторая — *“цветущей сложности”*, когда раскрываются все потенции организма или народа; последняя — *“смесительного упрощения”*, когда организм переходит в стадию стирания всех своих отличительных черт, разложения и гибели. Наиболее ярким и контрастным периодом “цветущей сложности” в истории европейской культуры К.Н. Леонтьев считал средневековье, а последующий буржуазный “прогресс” Нового времени представлялся ему торжеством губительной уравнительности, культурной серости и умирания. “Некультурный - значит несвоеобразный”, - утверждал Леонтьев, и России, как и любому другому народу, следует, прежде всего, стремиться к сохранению и приумножению своей самобытности, без которой она просто перестанет существовать, угрозу чего уже предчувствовал Леонтьев в конце прошлого века [7].

Показательно, что от проблемы массовой культурной обезлички и исследования угроз, которые несет современная цивилизация неповторимой человеческой индивидуальности, движется к обоснованию фундаментальной роли аксиологии и мыслитель совсем иной идейной ориентации, ни в чем больше не похожий на К.Н. Леонтьева, — академический профессор, немец

Вильгельм Виндельбанд. «Мы переживаем, — пишет один из отцов-основателей теоретической аксиологии в одной из своих итоговых работ, — нивелирование исторических различий и установление единообразия жизни, о которых ни одна из прежних эпох человеческой истории не имела ни малейшего представления. Но это влечет за собой большую опасность, которая выражается в том, что мы утратим высшее, что, собственно, только... и составляло во все времена культуру и историю: жизнь личности. Чувство этой опасности глубоко проходит сквозь всю духовную жизнь последних десятилетий и прорывается время от времени со страстной энергией. Вместе с блестящей материальной культурой растет горячая потребность в собственной внутренней жизни, и наряду с демократизирующим и социализирующим массовым существованием возникает резкая оппозиция индивидов, их противодействие подавлению массой» [5].

Итак, наука как общекультурный феномен, связанная с индивидуальным творчеством, являющаяся частью культуры личности, культуры общества в целом — в принципе не может быть сочетаться с глобализацией, т.к. развитие этих феноменов противоположно. Само понятие личности предполагает *самобытность и индивидуальность*, тем более в таком творческом процессе как научная деятельность. Тогда же как глобализация — это «процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации» [4], исключаящий какую-либо «самобытность» вообще.

В то же время, очевидно, что процессы глобализации в научной сфере нарастают и многими зарубежными исследователями рассматриваются как конструктивный процесс. Так, М. Кастельс, один из авторов теории «информационного или сетевого общества», считает, что «научное сообщество было всегда в значительной степени международным, если не глобальным сообществом ученых, на Западе начиная со времен европейской схоластики». В наши дни «академическая исследовательская система» глобальна. Она опирается на неустанную коммуникацию между учеными во

всем мире... наука организуется из определенных областей исследования, структурированных вокруг сетей исследователей, взаимодействующих посредством публикаций, конференций, семинаров и академических отношений... [более того] научно-исследовательская работа в наше время или происходит глобально, или перестает быть научной». [6].

Кастельсу вторит и М. Франклин, анализируя процессы складывания общеевропейского научного сообщества и подчеркивая их значимость для развития того или иного направления научных исследований: «Сегодня... можно говорить о существовании подлинного сообщества науки в Европе, переступающего дисциплинарные и национальные границы. И страны, и дисциплины связаны между собой различными формами сотрудничества и образования. Ученые большинства дисциплин имеют тесные контакты со своими коллегами в шести или более европейских стран... Благодаря высокой степени сотрудничества европейские ученые прекрасно осведомлены о работе своих коллег в других странах и их достижениях... взаимодействие, сотрудничество в целом и международное сотрудничество в частности играют важную роль в освобождении научного потенциала от ограничений институционального и национального характера». [9].

Некоторые отечественные исследователи [1] полагают, что наиболее заметный эффект глобализации функционирования научного сообщества заключается в следующем:

1. Мировая наука играет все большую оценивающую роль при рассмотрении значения тех или иных научных достижений, в том числе и в России.
2. Успешная международная финансовая кооперация научных центров различных стран. Включенность ученых в глобальные информационные потоки и формирование навыков обработки информации, содержащейся в них.
3. Идея ряда американских авторов о том, что ученые разных стран «являются гражданами наднациональной республики науки», которая

должна иметь соответствующий механизм управления и координации исследований в мировом масштабе.

4. Тенденция формирования интернациональных исследовательских коллективов, особенно – *на уровне прикладной внутрифирменной науки*, а одним из важнейших признаков стало формирование у целого ряда крупных компаний глобальной сети исследовательских лабораторий. Главные факторы, которые учитываются при выборе страны для размещения независимых исследовательских лабораторий: 1) научный авторитет; 2) наличие потенциала талантливых исследователей; 3) развитая университетская система; 4) благоприятный культурный климат; 5) положительный опыт предшествующего инвестирования». [1].

5. Значительное усиление мобильности членов научного сообщества (в том числе российского), выражающееся в увеличении числа людей, включенных в международные контакты.

Если попытаться сконструировать, что означает глобализация науки по отношению к отдельному ученому, мы получим два основных признака: психологическую готовность и соответствующий уровень квалификации. Кроме того, необходимым является знание особенностей функционирования сферы зарубежной академической и прикладной науки, прежде всего умение находить источники финансирования и, по умолчанию, знание иностранного языка (в основном, английского). Также необходимо наличие личного капитала в виде опыта работы за рубежом [1].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что все более очевидным становится прикладной характер развития наук, ее исключительно финансовая заинтересованность в результатах своей деятельности, ее идеологическое упрощение, превращение ее из элемента духовного производства исключительно в средство материального производства.

Здесь наука выступает только как часть производительных сил общества – без акцентирования творческого, субъективного начала. Тогда,

безусловно, она становится достойной «служанкой глобализации» и начинает отлично продаваться. В такой науке субъект перестает быть активным созидующим началом – он исполняет социальные заказы на определенные виды деятельности. **Наука служит исключительно производству**, не напрягая уже себя поиском Истины. Благодаря этому жизнь людей становится приятнее и комфортнее, позволяя безраздельно потреблять различные блага. В таком обществе потребления (термин Ж. Бодрийяра [3]) нет необходимости уже озадачиваться поисками «истин» и «смыслов», а роль науки сводится лишь к поддержанию и приумножению телесного комфорта.

Также хотелось бы добавить, что процесс поиска истины неожиданно стал затруднительным из-за растущей **неопределенности научного знания**. Количество накопленных знаний прямо пропорционально увеличивает и количество новых возникающих вопросов, ответить на которые современная наука оказывается не в состоянии. «Наука двадцать первого века не знает, непрерывными или дискретными являются пространство и время, не знает, какую форму имеет Вселенная, не знает, до каких пределов дробится материя, ..., не знает, как функционирует человеческое сознание...» [2]. В частности поэтому, на наш взгляд, отношения между наукой и религией стали гораздо более спокойными, ведь в Священном Писании даны ответы на все интересующие науку вопросы – надо лишь внимательно прочитать. Недаром о. Василий (Оптинский) сказал: «Кто ищет Истину – найдет Бога».

В такой ситуации выбора – продолжать ли поиск Истины или добровольно стать придатком разрастающейся глобальной технологической системы – всегда остается за Человеком.

Литература

1. Аблажей А. М. Глобализация в сфере науки: возможные направления анализа // Материалы IX Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2011. - С. 10 -14
2. Афанасьева Вера. Наука и глобализация - www.proza.ru/2009/05/22/776

3. Бодрийяр Ж. Общество потребления Республика, 2006.
4. Википедия / <http://ru.wikipedia.org/wiki/глобализация>
5. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М, 1995. С. 353.
6. Кастельс М. Информационное производство и селективная глобализация науки и техники (2000) // Взято: http://www.alternativy.ru/magazine/htm/01_4/netecon.htm#_ftn1
7. Мамонтов С.П. Основы культурологии: М.: Олимп, 1999.-с. 57-58.
8. Огурцов А.П. Образы науки в буржуазном общественном сознании // Философия и наука. М., 1972. С. 341.
9. M.N. Franclin The community of science in Europe: Preconditions for research effectiveness in European Community countries. Brussels, Luxembourg, Gowes, 1988. – P. 48, 62

Меренков А.В.,

г. Екатеринбург

ДИЛЕТАНТИЗМ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМ

Проблема формирования профессионализма в условиях постоянного обновления технологий и технических систем, применяемых на производстве, существенно обостряется. Все чаще и чаще при анализе причин различных чрезвычайных происшествий, отмечается негативная роль т.н. «человеческого фактора». Летчик, водитель общественного транспорта, механик совершают роковую ошибку, ведущую к травмам, гибели людей. Люди ведут себя как дилетанты, им не хватает профессионализма, позволяющего принять самое оптимальное решение в сложной производственной ситуации.

Причины ошибок в труде заключаются не только в том, что человек может устать, ослабить контроль. Они кроются в тех факторах, которые обеспечивают превращение дилетанта в профессионала. Два основных фактора в прошлом позволяли работнику постепенно двигаться из состояния